

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восьмой

2

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

М. С. БУЛАТОВ

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АРХИТЕКТУРЫ МАВЗОЛЕЯ САМАНИДОВ¹

Мавзолей Саманидов в Бухаре, построенный в конце IX в. н. э., представляет собой выдающееся произведение архитектуры. в котором отразились эстетические идеалы древних зодчих Средней Азии, их высокое профессиональное мастерство и технические приемы строительства.

Говоря о генезисе архитектуры этого памятника, необходимо отметить, что все исследователи мавзолея сходятся на том, что истоки его архитектурных форм связаны с доисламским зодчеством². По этому поводу выдвигаются различные гипотезы: одни связывают его формы с архитектурой зороастрийских храмов огня, другие — с архитектурой погребальных сооружений; высказывается мнение о связи его генезиса с формами кешиков-крепостей, прослеживается генетическая связь форм мавзолея с жилой архитектурой. Одни исследователи усматривают в истоках архитектуры мавзолея только местные согдийские традиции, а по мнению других, она является продуктом влияния зодчества сопредельных стран.

Опуская подробное изложение и критику этих гипотез, укажем лишь на необходимость дальнейших исследований проблемы генезиса архитектуры мавзолея Саманидов с расширением привлекаемых материалов, исторических сведений и анализа композиции самого памятника.

Назначение мавзолея как усыпальницы обусловило создание однокамерного квадратного помещения с трехступенчатой структурой интерьера: четверик, восьмерик и чаша купола. Надо полагать, что к моменту возведения мавзолея такая трактовка интерьера купольного здания прошла длительный путь развития и стала традиционной.

Архитектурно-конструктивный замысел строителей мавзолея, как видно, заключался в создании сооружения, представленного кубическим объемом и куполом, с одной стороны, и трехступенчатой конструктивной структурой перехода квадратного помещения к куполу через ярус парусов, — с другой.

¹ В порядке обсуждения.

² Мы сознательно опускаем описание памятника, ибо о нем имеются обширные публикации: Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация, М., 1926; В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 35; Л. И. Ремпель, Мавзолей Измаила Саманида, журн. «Академия архитектуры», 1936, № 5, стр. 26; М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Гумбиз Манаса, М., 1950, стр. 99—100; В. Л. Воронина, К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXVII, 1954, стр. 45; Г. А. Пугаченкова, Архитектурный генезис мавзолея Саманидов, Общественные науки в Узбекистане, 1962, № 2, стр. 47—52.

Заемствованный из доисламских архитектурных образов мотив галереи, завершающей объем здания, повлек за собой устройство обходного коридора на уровне яруса парусов. Такой же коридор имелся и в храмах «Первопричины» сабейцев и в кешках-крепостях. Если бы даже обходные коридоры такого рода не были известны, то строителям мавзолея пришлось бы их придумать, поскольку сочетание двух различных в своей основе композиционных структур внешней архитектуры и внутреннего пространства было бы невозможным без устройства обходного коридора.

Только благодаря обходному коридору удалось полностью подчинить архитектурное членение верхней части куба идее композиции фасадов, а внутреннюю стену превратить в ограждение пространства восьмерика. Именно наличие такого коридора сделало возможным сочетание внутренней трехступенчатой структуры мавзолея — четверик, восьмерик и купол — с двумя наружными объемами — кубом (имеющим по верху галерею проемов) и куполом. Устройство обходного коридора позволило также сгладить явное несоответствие мелких световых проемов галереи с крупными арочными проемами восьмерика. Правда, это потребовало заполнения пристенных арок восьмерика ажурными решетками из кирпича и способствовало появлению шитовидного заполнения (толщиной 8 см) между нервюрами в угловых парусах.

Из сказанного следует вывод, что наличие обходного коридора в теле стены мавзолея Саманидов имело решающее значение в сочетании двух различных структур — композиций интерьера и внешней архитектуры.

Характерно, что в созданном через два столетия мавзолее султана Саиджара сочетание трехступенчатой структуры сооружения с внешним архитектурным образом, связанным с обязательным устройством завершающей аркатуры, также решается с обходным коридором, что позволило полностью подчинить замыслу фасада архитектурную трактовку объема.

Отказ от обходного коридора при решении той же архитектурной задачи приводит к иной трактовке фасада — полному отказу от системы проемов; арочная галерея по верху здания превращается в чисто декоративный элемент, ярким примером чему служит мавзолей Абу Саида в Меана.

Однако невольно возникает вопрос, в каких доисламских сооружениях имела система световых проемов по периметру верха здания с обходным коридором, которая могла стать прообразом аналогичного элемента мавзолея Саманидов? Быть может, завершающая галерея с обходным коридором связана с традициями храмов «Первопричины» сабейцев?

Мы знаем, что до широкого распространения ислама на территории Средней Азии, наряду с зороастризмом, буддизмом, иудаизмом, христианством, бытовали и астральные верования³ и возводились соответствующие храмы. Так, Маъсуди, Димешки и Шахристанни утверждают, что еще в первые годы ислама в Мекке, Йемене, близ Исфа-

³ Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 361—362.

⁴ Храм, построенный идолопоклонниками — бермекидами в Балхе, о чем повествует Ибн Факиха, был подражанием храму Кааба в Мекке (см. Ибн Факиха, МИТТ, т. I, стр. 151) и, очевидно, был связан в какой-то степени с верованиями астрального культа, поскольку Кааба была храмом Сатурна, как это утверждают сами сабейцы. См. D. Chwolson, Die Sabier und Sabismus, t. II, St.-Ptb, 1856, сообщение Маъсуди, стр. 383.

гана, в Индии, Балхе⁴, Фергане и даже в Китае существовали храмы, посвященные семи планетам, причем особо подчеркивается, что храм Солнца, построенный в столице Ферганы, был «удивительным сооружением»⁵. Имеются прямые указания источников о существовании храма Луны в Балхе (с идолом из чистого серебра) и храма Меркурия в Фергане (разрушенного халифом Мунтасиром в IX в.)⁶.

В те времена астрономия и астрология играли большую роль в жизни и деятельности человека. Звезды служили ориентирами купеческим караванам, затерянным в бескрайних степях; на звезды с надеждой взирал земледelec, ожидая начала весны. «Ведь те, для кого крышей служит (одно лишь) небо и кого не прикрывает ничто другое, над кем постоянно, в одном и том же порядке, восходят и заходят звезды, связывают с ними начало своих дел и знание времени»⁷.

Дни недели у согдийцев были посвящены семи известным в древности планетам, к числу которых относились Солнце и Луна⁸.

Во времена Бируни (XI в.) было распространено учение, «согласно которому земная жизнь, все явления и изменения на нашей планете обуславливаются деятельностью и влиянием небесных существ — звезд»⁹. Астральный культ оставил глубокий след в идеологии народов Средней Азии¹⁰.

Наши исследования позволяют утверждать, что на сложные формы мавзолея Саманидов оказали влияние и архитектурные традиции, обусловленные идеологией астрального культа.

На связь архитектурных форм исследуемого памятника и храмов сабейцев проливает свет сообщение Шамс-ад-дина ибн Абу Талeб Димешки: «... К храмам тех сабейцев, которые признают цепь от причин к первопричине всех причин, принадлежит следующее — храм Первопричины, образующий круглую стену (цилиндр) и (купол), имеющий форму полушария, установленный на земле в виде шатра. В верхней части 48 окон, в равном числе выходящие на восток и на запад. Восход солнца ежедневно виден в одном определенном окне и заход также в противоположном. Его свет проходит через окна в верхней части храма. То же происходит в полдень»¹¹.

Нам представляется, что генезис архитектурных форм мавзолея Саманидов, в частности завершающей галереи с ее обходным коридором, можно проследить в структуре храма «Первопричины» сабейцев,

⁴ Д. Хвольсон, указ. соч., стр. 650, 681.

⁵ Там же, стр. 394, 396.

⁷ Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, I, стр. 259.

⁸ А. А. Фрейман, Согдийский рукописный документ астрологического содержания, Вестник древней истории, М., 1938, № 2(3), стр. 49.

⁹ В. Ю. Захидов, Бируни как мыслитель, сб. «Бируни», М. — Л., 1950, стр. 45.

¹⁰ Это убедительно показал на обширном материале А. М. Беленицкий (см. А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пняджикентских храмов, «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 27—82). См. также Фирдоуси, Шах-наме, М., 1957, стр. 377, 378; Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, I; Мир Мухаммед Амини-Бухари, Убайдулла-наме, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957; Мухаммед Юсуф Мунши, Муким-ханская история, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956 и др.

¹¹ Д. Хвольсон, указ. соч., стр. 381.

В тексте Димешки нет упоминаний о цилиндре, следовательно можно было допустить, что храм имел форму полушария, причем, с учетом размещения 48 окон на сферической поверхности, диаметр купола составил бы около 20 м. Но такая гипотеза вряд ли состоятельна, ибо для строительной техники V—VII вв. н. э. возведения куполов столь больших диаметров и устройство проемов на сферической поверхности было весьма трудным делом.

которую мы и попытаемся мысленно воссоздать по описаниям Димешки.

Общие размеры храма «Первопричины» могут быть определены, исходя из конструктивной возможности устройства 48 окон и простенков в стенах цилиндра. Надо полагать, что стены цилиндра были достаточно толстыми не только для того, чтобы нести нагрузку от купола, но и чтобы можно было устроить на уровне окон наблюдательную галерею — обходной коридор.

Из текста Димешки следует, что положение Солнца от восхода до заката фиксировалось через каждые полчаса отдельными окнами, расположенными по кругу, причем очевидно, что чем толще стена и чем уже окно, тем точнее фиксация положения светила. Экраном для фиксации положения Солнца служили пол и внутренняя стена обходного коридора. Следовательно, по функциональным соображениям наружные стены обходной галереи делались толстыми, световые проемы узкими, а внутренние стены, бывшие экраном, имели минимальную толщину¹². Если фиксация утреннего и вечернего солнечного луча на внутренней стенке коридора осуществлялась довольно просто, то значительно сложнее было фиксировать луч полуденного Солнца. Здесь требовалось устройство наклонных подоконников и наклонных перемычек под световыми проемами, чтобы луч полуденного Солнца мог фиксироваться на полу обходной галереи.

Приведенные соображения позволяют реконструировать обходную галерею храма «Первопричины» (рис. 1) с выявлением характерных

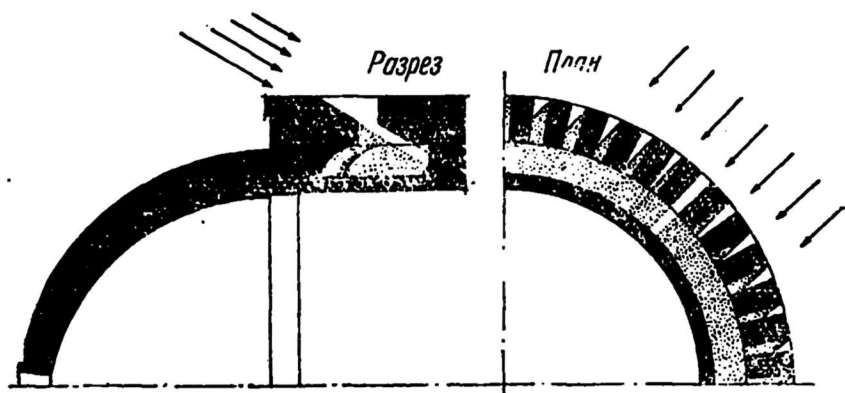

Рис. 1. Фрагменты реконструкции храма «Первопричины» сабейцев по Димешки.

особенностей ее элементов, логически вытекающих из непреложных фактов — описания Димешки, функциональной обусловленности наблюдательной галереи, фиксации положения светила через каждые полчаса.

Сопоставление данных реконструкции галереи храма «Первопричины» с формами мавзолея Саманидов проливает свет на возможную преемственность традиционных приемов, возникших из функциональной необходимости в архитектуре храма и сохранившихся, как пережиток, в архитектуре мавзолея.

¹² Зодчие, очевидно, стремились передать нагрузку от купола не только на тонкую внутреннюю, но и толстую внешнюю стену, для чего, вероятно, устраивались полусводы над обходным коридором.

Храм «Первопричины» по своим общим формам далек от мавзолея Саманидов — в первом случае цилиндр с куполом, во втором — куб. Однако их роднит наличие обходной галереи, которая в храме была функционально оправдана и служила для наблюдения за светилем, а в мавзолее представляла уже пережиточный момент, как это часто бывает в архитектуре.

Строители мавзолея не рассчитывали вести наблюдения за светилем и фиксировать положение Солнца через каждые полчаса, поэтому для них не имело значения число окон в галерее. Они стремились к воссозданию архитектурного мотива галереи, соблюдению единого ритма окон и простенков. Только этим и можно объяснить, что углы квадратного в плане мавзолея на уровне галереи закруглены, оконные проемы размещены в углах и выполнены коленчатыми — вопреки функциональной, конструктивной и планировочной логике, — лишь ради формы и соблюдения единого ритма по всему периметру верха сооружения (рис. 2), как это имело место в храме «Первопричины».

Исключительный интерес для нас представляет само устройство световых проемов галереи мавзолея Саманидов: относительно высокое (к уровню пола) расположение световых проемов, их крошечные размеры, напоминающие бойницы; наличие наклонных подоконников; уступчатые надоконные ниши снаружи здания (заменившие наклонные перемычки, о которых говорилось выше), обусловленные в храме «Первопричины» функциональной необходимостью, а в нашем памятнике сохранившиеся как пережиток.

Некоторые исследователи (в том числе и автор этих строк) отождествляли галерею мавзолея Саманидов с системой бойниц кешков-крепостей. Между тем, бойницы, устроенные для поражения врага на подступах к крепости, «смотрят вниз», тогда как окна мавзолея Саманидов, наоборот, направлены вверх, что хорошо читается на поперечном разрезе галереи (рис. 3).

При первом знакомстве с конструктивной схемой мавзолея (рис. 4) обращает внимание «конструктивная несуразица», заключающаяся в том, что стены восьмерика, несущие нагрузку от купола, сделаны тонкими — от 35 до 51 см (суммарная площадь сечения кирпичной кладки у пят арок яруса парусов равна $6,96 \text{ м}^2$), тогда как наружные стены коридора, на которые купол непосредственно не опирается, выполнены гораздо толще (суммарная площадь сечения простенков наружных стен составляет $20,6 \text{ м}^2$). Такое решение конструктивной схемы мавзолея оказалось результатом подражания уже бытовавшим конструктивным и планировочным приемам, вызванным к жизни функциональными требованиями архитектуры храмов «Первопричины».

Говоря о генезисе архитектуры мавзолея Саманидов, следует помнить также о тех архитектурно-тектонических системах, которые сло-

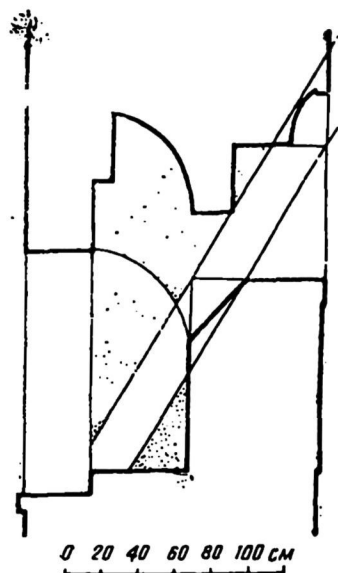

Рис. 2. Схемы устройства световых проемов храма «Первопричины» сабейцев и мавзолея Саманидов.

жились в местной строительной практике и в зодчестве сопредельных стран ко времени сооружения мавзолея. К ним принадлежали стеновая, сводчато-купольная, стоечно-арочная и стоечно-балочная системы¹³.

В композиции мавзолея Саманидов с исключительным мастерством, архитектурной логикой и художественным тактом использованы все перечисленные выше тектонические системы, причем ведущее значение принадлежит стеновой и сводчато-купольной; стоечно-арочная система занимает промежуточное положение, а стоечно-балочная тема носит сугубо «изобразительный» характер.

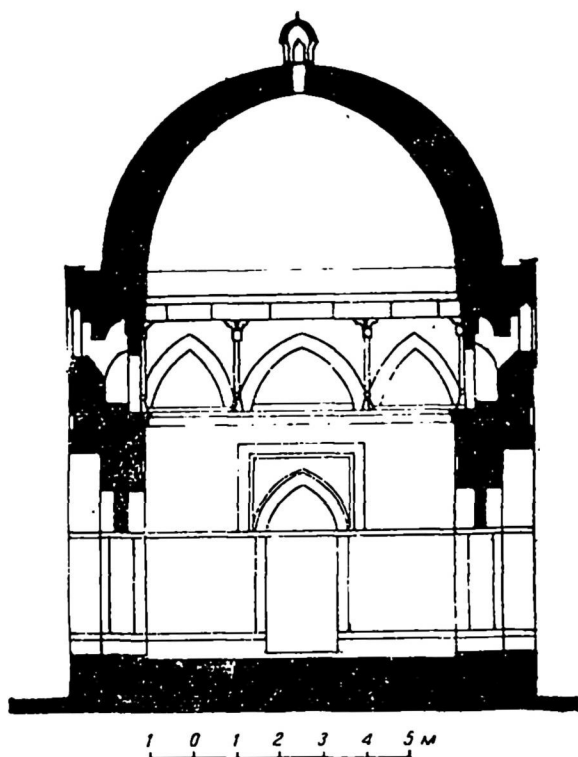
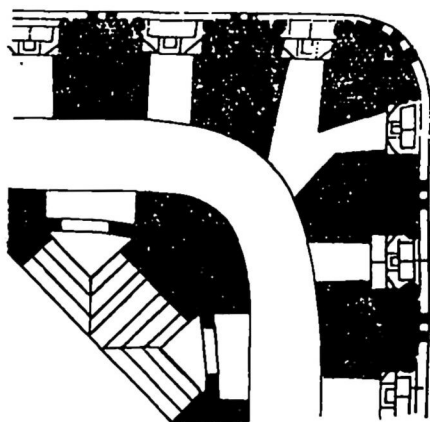
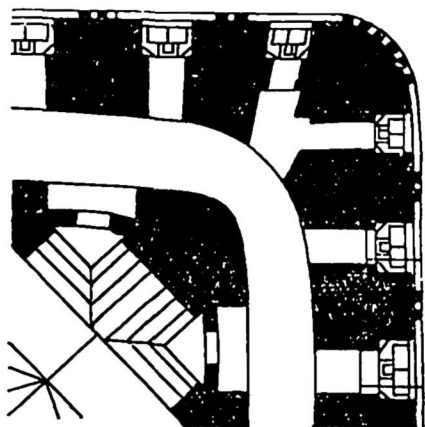

Рис. 3. План угла галереи мавзолея Саманидов.

Рис. 4. Мавзолей Саманидов (разрез).

Истоками композиции мавзолея Саманидов могли быть и элементы архитектуры раннефеодальных кешков с галереями (обходным коридором для защитников крепости), зубцами-кунгра по верхнему периметру стен, глухими стенами, лишенными приемов по низу, за исключением входных ворот по оси композиции.

¹³ М. С. Булатов, К развитию каркасной системы в зодчестве Узбекистана. Научно-исследовательский институт по строительству Академии строительства и архитектуры СССР, Сборник научных трудов, вып. III, Ташкент, 1962, стр. 87.

Отдельные фрагменты композиции, в частности форма деревянных колонн по углам восьмерика, восходят к элементам каркасной архитектуры айванов, широко распространенных в древней Средней Азии. Тема плетенки в облицовке мавзолея связывает ее с формами, возникшими при использовании в зодчестве камыша и хвороста¹⁴.

Стилистический анализ архитектуры мавзолея Саманидов позволяет проследить генетическую связь с архитектурой сасанидского Ирана и аналогии в постройках Самарры в Месопотамии IX в.¹⁵

Наличие в мавзолее Саманидов архитектурного единства в применении нескольких тектонических систем, умелое использование мотивов жилой, оборонной и культовой архитектуры свидетельствуют о высоком развитии зодчества рассматриваемой эпохи.

Из сказанного следует, что истоки архитектуры мавзолея Саманидов не имеют единственной линии возникновения и развития. Она впитала в себя местные согдийские архитектурные традиции, сложившиеся в эпоху среднеазиатской античности и раннего феодализма, и достижения зодчества сопредельных стран, с которыми Средняя Азия издавна имела широкие культурно-экономические связи.

М. С. Булатов

СОМОНИЙЛАР МАҚБАРАСИ АРХИТЕКТУРАСИ ГЕНЕЗИСИГА ДОИР

Мақола Ўрта Осиё қадимги меъморчилигининг машҳур ёдгорлиги бўлган сомонийлар мақбараси архитектурасининг генезисига бағишланган. Авторнинг кўрсатишича, мақбара архитектурасининг илдиэлари бир йўлдан келиб чиқиб ривожланган эмас, балки маҳаллий архитектура традиция билан қўшни мамлакатлар меъморчилигининг ютуқлари асосида вужудга келгандир.

¹⁴ Л. И. Ремпель, Мавзолей Измаила Саманида, журн. «Академия архитектуры», 1936, № 5, стр. 28.

¹⁵ Б. П. Денике, Искусство Средней Азии, М., 1927, стр. 13; того же. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1938, стр. 10; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии, М., 1940, стр. 24—29.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1995

5-6-7-8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

Для изучений стёклянных бус по технологическим признакам применялась классификация, разработанная З. А. Львовой¹².

Исследование стеклянных бус под бинокулярным микроскопом позволило выделить пять типов изготовления изделий. Визуальное исследование их позволяет произвести классификацию и по другим признакам: по форме, декору, материалу. В связи с чем вся масса исследуемых изделий была разделена на две большие группы — одноцветные и разноцветные стекла. Одноцветные бусы представлены всеми указанными типами технологий. Полихромные бусы имеют 23 типа орнамента, объединенных в группы по внешнему виду узора.

Рассмотренные нами стеклянные бусы Северной Бактрии — Тохаристана находят многочисленные аналоги в украшениях Египта, Индии, Сирии, Месопотамии и Северного Причерноморья.

Изучение стеклянных бус из указанного региона убедительно свидетельствует о достаточно высоком уровне развития бактрийских ювелирных мастерских, разнообразии материалов и технических приемов местных ювелиров.

¹² Львова З. А. Технологическая классификация бус домонгольской Руси//СГЭ. Вып. XIV. Л., 1958. С. 15; ее же. Технологическая классификация изделий из стекла//АСГЭ. Вып. 20. Л., 1979. С. 90.

Е. Г. НЕКРАСОВА

БУХАРСКИЕ ДАХМЫ

Коренное население Бухары называет дахмой погребальное сооружение в виде параллелепипеда с открытой площадкой сверху. Данный термин, известный с глубокой древности, переводится исследователями как могила, гроб, гробница, памятник на гробнице¹. Анализ литературы, где дахма в донсламский период, с одной стороны, выступает как сооружение для выставления трупов, с другой, — как погребальное сооружение, с исчерпывающей полнотой дан в одной из работ Б. А. Литвинского².

В письменных источниках мусульманского периода, например в «Самарии» Абу Тахир Ходжи, указывается, что на мазарах либо в хазира находятся «суфы» и мавзолеи, где покоятся мусульманские святые. «Могила Шейбани-хана помещается в «суфе», находящейся в середине двора этой мадрасы...»³ В народе, как отмечают исследователи, такую суфу называют «дахмой»⁴.

В доступных нам письменных источниках термин «дахма» для обозначения погребальных сооружений мусульманского периода не обнаружен. Согласно этнографическим исследованиям Г. П. Снесарева, в Хорезме под термином «дахма» понимается обычно «заколдованное» место. Автор отмечает, что в легенде о происхождении священного озера Гоуик, расположенного в непосредственной близости от Хивы, гово-

¹ Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1868. С. 553; Калмыков А. Д. Основные вопросы среднеазиатской археологии: Мечеть//ПТКЛА. Год четырнадцатый. Ташкент, 1910. С. 106; Бойс М. Зорастрийцы: Верования и обычаи. М., 1987. С. 22.

² Литвинский Б. А., Седов А. Б. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1985. С. 109—113.

³ Абу Тахир Ходжа. Самария: Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда/Пер. В. Л. Вяткина//КСО на 1899 г. VI. Самарканд, 1899. С. 179, 187, 200, 211.

⁴ Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки//Искусство зодчих Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1964. С. 185; Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в.: По материалам «Вахф-наме». Ташкент, 1966. С. 19.

рится, что некогда на его месте находилась «дахма», где хранился прах многих пайхамбаров (т. е. пророков). В Куня-Ургенче термин «дакма» применяется по отношению к некоторым запретным и труднодоступным местам оазиса, табуированным в результате дуо (заклиняния). Интересно, что среди подобных «дакма» называют возвышенность Кубатау (в окрестностях Мангита), где археологами был обнаружен богатый находками оссуарный могильник⁵. Приведенный фрагмент свидетельствует о том, что термин «дахма», распространенный здесь до арабского завоевания в зороастрийской среде, перешел затем в мусульманскую и применялся в отношении каких-то погребальных сооружений.

Из сказанного можно сделать вывод, что «дахма» — местное название погребальных сооружений определенного типа, сохранившееся в памяти народа с глубокой древности. Как показывают археологические исследования, в несколько трансформированной форме в позднесредневековый период существовали и сами погребальные сооружения такого типа.

Основные черты, присущие всем дахмам, — параллелепипед, в той или иной степени возвышающийся относительно уровня дневной поверхности, выделенный цоколь и фундамент, толщина которого зависит от размера дахмы.

Надо отметить, что сооружения типа дахма возводились над погребениями духовных лидеров либо лиц, принадлежавших к социальной верхушке общества.

За время многолетних археологических исследований позднесредневековых некрополей Бухары и Бухарской области изучено более 50 погребальных сооружений типа дахма, среди которых по внутренним конструкциям выделено десять вариантов, причем пять из них зафиксированы на всех некрополях⁶.

Вариант 1. Двухъярусные дахмы, где верхний, надземный ярус — собственно дахма — является надгробием, а нижний — погребальный (ящик либо сагана). На территории Бухарского оазиса дахмы этого варианта изучались на некрополе Чор-Бакр. В хазирах XVII в., где похоронены женщины из рода джуйбарских ходжей, дахмы облицованы мрамором. Их высота — в пределах 76—86 см; по периметру верхней площадки они обводились мраморной балюстрадой. Дахма, возводившаяся над одним погребением, имела площадь в пределах 4—6,8 м². Дахмы над несколькими погребениями увеличивались, по мере надобности, и их площади превышали 30 м². Еще более крупные дахмы устраивали над почитаемыми погребениями. Например, дахма над погребением Касым-шейха Азизана в Кармана (2-я пол. XVI в.), подквадратная в плане, имела площадь около 100 м², высоту — 2 м.

В XVIII в. дахмы над женскими погребениями на некрополе Чор-Бакр возводятся в традициях предшествующего времени, но утрачивают мраморную балюстраду. В XIX в. дахмы на некрополе Чор-Бакр устраиваются лишь над одиночными женскими захоронениями; помимо мрамора, применяется облицовка жженым кирпичом и известняком.

Внутренние конструкции дахм этого варианта — двух типов: а) подквадратные. Обычно они имели довольно толстые стены и фундаменты, заглубленные до 1 м; б) дахмы с пристраивавшимися друг к другу погребальными камерами. Они имели внутри сводчатые конструкции с забутовкой пазух кирпичным боем и строительным мусором.

⁵ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских обрядов и верований у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 144.

⁶ Археологические исследования проводились автором статьи, согласно планам «Узбектамиршунослик», при участии археологов С. Ишютина, Д. Чунниина и др.

Вариант 2. Дахмы с полуподземными либо надземными погребальными камерами, одна из них — входная; перекрыты арочными сводами. Три дахмы из жженого кирпича изучены на некрополе Чор-Бакр. Две ханские дахмы, облицованные мрамором, исследованы на некрополе Бахауддина. Все они ориентированы по странам света. Входной коридор расположен в южной части, погребальные камеры — к северу от него. В замках сводов всех помещений устроены вентиляционно-световые люки.

Самая большая дахма на некрополе Бахауддина возведена для погребения Аштарханида Субханкули-хана (ум. 1702 г.). Она четырехкамерная, общей площадью 189 м². Входной коридор — 32 м², погребальные камеры — по 23 м², при высоте 2,2 м.

Семейные дахмы Чор-Бакра (нач. XVI—XVII в.) меньше по площади. Так, самая большая из них занимает 80 м², с входным коридором 16,6 м² и погребальными камерами по 15 м², высотой 1,8 м.

Вариант 3. Двухкамерные дахмы с входом, расположенным в торце одной из погребальных камер; вход во вторую ведет из первой. Предназначались для семейных захоронений.

Эти дахмы являются дальнейшей трансформацией предыдущего варианта: здесь утрачивается входной коридор, камеры соединены между собой проемом.

Исследовано пять сооружений: одна дахма на некрополе Чор-Бакр, две — на некрополе Ходжа Кааба в Каганском районе, две — на некрополе Хазрети Имам. Установлено, что аналогичные дахмы есть и на некрополе Бахауддина. Входы во все сооружения устроены с юга. Уровни полов погребальных камер соответствуют уровню дневной поверхности снаружи либо заглублены на 70 см (Хазрети Имам) или на 1 м (Чор-Бакр, Ходжа Кааба). Площади больших дахм — от 36 до 64 м² при высоте погребальных камер 2 м, малых — от 10 до 24 м² при высоте погребальных камер 1,6 м. Перед входами в дахмы на некрополе Ходжа Кааба находятся небольшие углубления, переходящие в лестничный спуск. Очевидно, их можно рассматривать как рудименты дромосов.

Дахмы этого варианта, согласно исследованиям Т. Р. Агзамходжаева, продолжали существовать до недавнего времени⁷.

Вариант 4. Двухкамерные дахмы с индивидуальными входами в каждую камеру; последние незначительно заглублены в грунт.

Дахмы этого варианта встречаются почти на всех позднесредневековых некрополях Бухарского региона. Их планировка является логическим видоизменением сооружений предыдущего варианта. Здесь погребальные камеры теряют связь между собой, входы в них располагаются на одном из фасадов. Большие дахмы (площадью 23—27 м², с площадью камер 6,5—8 м² при высоте — 1,6 м) служили для много-разовых семейных захоронений; малые дахмы (площадью 6,5—9,4 м², с камерами по 1,7—2,2 м² при высоте 1,3 м) предназначались для одноразовых захоронений. Временные рамки существования дахм этого варианта — конец XVIII — начало XX в.

Вариант 5. Наземные дахмы следующей конструкции: прямоугольник стен толщиной до 1 м с выделенным цоколем, внутреннее пространство засыпалось чистым грунтом. Одноразовые погребальные сооружения (сагана либо ящик) по мере надобности устраивались в слое насыпного грунта; их полы находились в уровне цоколя дахмы.

Самое большое сооружение этого варианта, датируемое концом XVI в., расположено на некрополе Бахауддина; входит в комплекс

⁷ Агзамходжаев Т. Р. Археологическая разведка в селении Папгаз//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 159—161.

ханских дахм. Ее площадь — 230 м², при сохранившейся высоте более 2 м. Стены дахмы сложены из известняка, облицованы мрамором.

Вторая по размерам дахма, датируемая тем же временем, находится на некрополе Чор-Бакра. Ее площадь — 141 м², высота — 1,5 м. Она сложена из жженого кирпича, снаружи облицована шлифованным кирпичом. Посередине южной стены была устроена лестница, ведущая на верхнюю площадку дахмы.

Очевидно, самой ранней из дахм этого варианта следует считать погребальное сооружение на некрополе Несефа (XI—XII вв.), исследованное Т. Р. Мухамеджановым⁸. Установлено, что дахмы этого варианта возводились на крупных некрополях Бухары и ее окрестностей вплоть до начала XX в.

Позднесредневековые дахмы Бухарского оазиса генетически восходят к погребальным сооружениям доисламской эпохи. Речь идет о наусах, которые были широко распространены в древности и раннем средневековье в Средней Азии и Афганистане. Наусы были одно- двух- и многокамерные. Приведем последние в хронологическом порядке.

На городище Ай-Ханум (север Афганистана) изучено погребальное сооружение, имеющее несколько строительных периодов и названное исследователями мавзолеем. Сооружение 3-го периода прямоугольное, ориентировано по странам света, заглублено в грунт на 0,8—0,9 м. Посередине южной стены находится вход в сводчатый коридор, рассекающий здание на две части. По сторонам коридора, напротив друг друга, устроены входы в сводчатые погребальные камеры площадью по 2,97 м². Датируется эта постройка III в. до н. э.⁹

В 300 м к северо-востоку от городища Дальверзинтепа (Сурхандарьинская область Узбекистана) Э. В. Ртвеладзе был раскопан наус, время возведения которого отнесено им к II в. до н. э. Восьмикамерный наус ориентирован по линии СВ-ЮЗ, возведен на невысокой пахсовой платформе. Он подквадратен, занимает площадь 162,5 м²; посередине рассечен коридором, по сторонам которого, напротив друг друга, расположены по четыре сводчатые погребальные камеры, площадью в среднем по 3,4 м², при высоте 1,7—1,75 м¹⁰.

Четырехкамерный наус, возведенный на невысокой платформе, исследован на городище Тепан-шах в Южном Таджикистане. Он ориентирован по оси СВВ—ЮЗЗ, площадью 85,6 м². Посередине его рассекал коридор, по сторонам которого симметрично располагались по две подквадратные погребальные камеры площадью 4,62—4,8 м². Наус датирован I—II вв. н. э.¹¹

На городище Красная Речка (Кыргызстан) В. Д. Горячевой раскопан шестикамерный наус, ориентированный по странам света. Здание квадратное, площадью 151 м² с выделенной входной нишей на южном фасаде. В ней находился дверной проем, ведущий в коридор, рассекающий наус на две части; по сторонам его располагались входы в погребальные камеры высотой 2 м. Камеры прямоугольные, площадью 1,7—2,9 м². Наус датирован второй половиной VIII в.—серединой X в.¹²

Таким образом, многокамерные наусы возводились на протяжении тысячелетия, с III в. до н. э. (Ай-Ханум) до VIII в. (Красная Речка).

⁸ Мухамеджанов Т. Р. К вопросу изучения некрополя средневекового города Несеф (Южный Согд)//Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию академика АН УзССР Я. Г. Гулямова. Ташкент, 1988. С. 66.

⁹ Литвинский Б. А., Седов А. Б. Указ. соч. С. 84—85.

¹⁰ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 97, 99. Рис. 68.

¹¹ Литвинский Б. А., Седов А. Б. Указ. соч. С. 40, 45, 61.

¹² Горячева В. Д. Наусы некрополя Краснореченского городища//Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 92—93.

Позднесредневековые дахмы второго варианта представляют собой по планировке те же многокамерные наусы, но утратившие ряд погребальных камер с одной из сторон, видимо, потому, что средневековые дахмы вводились с учетом условий мусульманского погребального обряда. Входной коридор расположен в южной части сооружения, а погребальные камеры вытянуты по линии север—юг так, что покойного вносили и укладывали головой вперед, на север.

На наш взгляд, позднесредневековые дахмы 2—4 вариантов свидетельствуют о непрерывности культурной традиции античности и средневековья, отраженной в данном случае в погребальных постройках и некоторых элементах обряда. Возможно, в результате дальнейших исследований будут обнаружены многокамерные дахмы X—XV вв. и тем самым заполнится лакуна, составляющая 500 лет.

Н. Б. НЕМЦЕВА

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ХОДЖА МАШАД НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА

Один из уникальных и сложных в объемно-планировочном решении памятников домонгольского зодчества Средней Азии — комплекс Ходжа Машад — расположен в Шаартузском районе у сел. Саят, на юге Таджикистана, в 1,5 км от правобережья Кафырнигана.

Долгое время памятник был известен как «двойной мавзолей»¹. Уже издали видны два одинаковых круглых купола, утопающих в кустах мелкого кустарника, а в глубине — руины сырцовых стен, которые исследователи на первых порах не связывали с мавзолеями. Только визуальные, а затем археологические исследования 50—60-х годов показали, что мавзолен и сырцовые руины представляют собой единое, крупное по размерам дворовое сооружение². От сырцового двора, оплывы которого еле угадывались под холмами современного кладбища, на дневной поверхности сохранились лишь руины северного портала и примыкающие по сторонам остатки сравнительно крупных квадратных помещений. Раскопки показали, что комплекс Ходжа Машад заключал четырехайванную дворовую композицию (68×48 м снаружи, двор — 42×31 м) с двумя квадратно-купольными мавзолеями из жженого кирпича (28×28×5 см) с южной стороны, просторным двором с худжрами по периметру, открытыми во двор айванами на осях и северным входным порталом с двумя квадратно-купольными помещениями по сторонам из сырцового кирпича (28×28×5 см) и пахсовых блоков.

По сторонам мавзолеев, как установлено раскопками, шли крылья стен (разной длины, высоты, асимметричные по декору), углы фланкировали башни-гульдаста, типичные для фронтальной композиции фасадов дворовых зданий.

Явно сакральная южная часть памятника с двумя мавзолеями, соединенными порталной аркой-айваном, относительно хорошо сохранилась; она с самого начала доминировала в общем объемно-планировочном решении всего комплекса.

¹ Историю изучения памятника и итоги его археологических исследований см.: Немцева Н. Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана//СА. 1969. № 3. С. 171 и сл.

² Хмельницкий С. Г. Медресе Ходжа Машад//По следам древних культур Таджикистана. Душанбе, 1978. С. 117 и сл; Немцева Н. Б. К вопросу о периодизации, датировке и функции Ходжа Машад в Саяте//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 158.